

Злой дух проникает в сон

— А на зуб я тебе как? — усмехнулся Дань Фэн, схватив его за воротник и приподняв.

— Не надо! — замахал руками Чу Луаньхуэй. — Убьёшь меня — кто тебя внутрь проведёт?

— Ещё чего. Ты-то сможешь?

— Мне лишь лекарства не хватает, потому и не смею позориться, — сказал Чу Луаньхуэй. — А вот тебя, брат Дань, и на порог не пустили. Но если они не пускают людей, это не значит, что не пустят и лекарство.

— Разруби меня на восемь частей, они с радостью примут, — без тени улыбки произнёс Дань Фэн.

— Это не вредит жизни! Всё это слухи и домыслы. Мы лишь немного истощаем жизненную энергию, — вздохнул Чу Луаньхуэй. — Скажем так: у каждого человека свои таланты и характер. Мы используем человека как почву, а сок духовных растений на кончике иглы — как семя. Выращиваем духовное растение и используем по мере надобности. Я вижу, брат Дань, у тебя выдающиеся способности. Эта Трава «Чайный лист девяти драконов и золотого нефрита»...

— Понял, — перебил его Дань Фэн. — Хочешь, чтобы у меня на голове трава выросла.

— Духовное растение! Редчайшее в мире духовное растение!

— Вырасти у себя.

— У меня особое телосложение, — со стыдом признался Чу Луаньхуэй.

— А у меня, по-твоему, с головой не в порядке.

— Раз так, прости, Дай Мао! — воскликнул Чу Луаньхуэй.

Хоть Дань Фэн и держал его, он, словно фокусник, извлёк откуда-то серебряную иглу, сверкающую коричневым светом, и метнул её в корзину, точно в затылок Дай Мао.

Дай Мао вздрогнул и, дрыгнув ногами, сел. Вцепившись обеими руками в край корзины, он посмотрел на Чу Луаньхуэя, глубоко вздохнул, и его лицо побагровело, словно натянутая

тетива.

— Сейчас заплачет, брат Дань, посмотри на него! — торопливо сказал Чу Луаньхуэй.

— Я что, детей обижаю? — недовольно буркнул Дань Фэн.

Дай Мао снова икнул, и его плач застрял в горле. Он резко втянул голову в корзину, оставив снаружи лишь пару блестящих, как бусинки, глаз.

Пальцы Чу Луаньхуэя задвигались, и над ними возник призрачный образ пышной зелёной травы.

— Дай Мао, смотри, хочешь молочка? Собери все свои силы и представь это. Ты — дух растений, пьющий ветер и росу, твоя ци движется по кругу... Ветер в лёгких рождает корни, из меридианов тянутся листья... Чувствуешь, как на макушке чешется, как будто листочки пробиваются? Одним махом... — скомандовал Чу Луаньхуэй. — Прорывайся!

Дай Мао, побагровев от натуги, издал громкий крик, и на его лбу проклюнулось несколько пожухлых травинок. Его наставник тут же сорвал их и протянул Дань Фэну.

— Прошу прощения, это обычные травы, их и так можно вырастить. Но он же ребёнок, не может сосредоточить свою энергию. А вот ты, брат Дань, другое дело. Твоя энергия в избытке, мышцы крепкие, кости сильные. Сразу видно — мужчина в расцвете сил, полный янской энергии... только... эх...

— Только что? — не выдержал Дань Фэн.

— Из-за ранения ты потерял немного крови. Я тебя подлечил, чтобы не повлияло на свойства лекарства.

— ...Спасибо тебе.

Хоть этот смазливый юнец и вёл себя странно, он обладал настоящим мастерством. И, как он и сказал, это был взаимовыгодный способ.

Дань Фэн всегда был смелым. Не войдя в логово тигра, как добудешь тигрёнка? Тем более, речь шла о том, чтобы подобраться к Се Хуньи.

Чу Луаньхуэй взял другую, красновато-коричневую иглу и с большим трудом вонзил её в затылок Дань Фэна.

Тот почувствовал, как чистая, освежающая духовная энергия, словно вода, растеклась по его меридианам, питая каждую клеточку тела, будто он был растением, впитывающим ветер и росу. Именно потому, что эта жидкость идеально подходила его телу, она и оказывала такой мощный эффект.

— Направляй ци... Брат Дань, используй метод своей школы. Смотри на мою ладонь, на ветви, листья, корни. Как можно детальнее. Прожилки... корешки... пушок... Правильно, ты — беззаботная Трава «Чайный лист девяти драконов и золотого нефрита», рождённая в безогненном ян-пламени. Отлично, у тебя выдающиеся способности, лекарство впитывается очень быстро... снаружи жар, внутри тепло...

Бам!

Тело Дань Фэна содрогнулось, макушка расслабилась, и он почувствовал, как горячая эссенция вырвалась наружу, превратившись в пышные листья, свисающие на лоб.

— ...Брат Дань, — криво усмехнулся Чу Луаньхуэй, — это морковка... Эй, не торопись, давай ещё раз. Постарайся не слишком поддаваться своей природе. Главное — форма, форма!

Бам!

— Красная морковка.

Бам, бам!

— Девятидраконовая золотая нефритовая красная морковка.

Бам-бам-бам!

— Трёхголовая шестирукая красная морковка...

Видя, как лицо Дань Фэна становится всё мрачнее, а в глазах от нетерпения разгорается жажда убийства, Чу Луаньхуэй, покрывшись холодным потом, пролепетал:

— Брат Дань, ещё чуть-чуть. Как только ты сможешь принять её форму, мы сможем проникнуть в резиденцию...

Раздался оглушительный грохот, и в облаке духовного тумана Дань Фэн резко открыл глаза. Растение на его голове распустилось, его ветви переплелись, словно девять золотых драконов. Чу Луаньхуэй замер, а затем бросился к нему и, оторвав один из усиков, с горечью произнёс:

— Брат Дань, похоже, конечно, очень, но внутри всё равно мор...

Дань Фэн метнул в него взгляд.

— Хватит, хватит, — поспешно сказал Чу Луаньхуэй. — Вполне достаточно.

— Ты воруеть лекарство, я ищу врага. Идём, — сказал Дань Фэн.

— ...Воровство лекарств — это не воровство. И метод согревающего преобразования не совсем выдумка.

— Сколько времени нужно обычному человеку, чтобы усвоить это лекарство? — спросил Дань Фэн. — Восемьдесят один раз, и то не хватит. Если бы оно действительно могло излечить, ты бы мог попросить Се Хунъи отдать тебе весь его сад. Но ты ведь не можешь ждать, верно? Шарлатан.

— Ладно, ладно, идём, идём! — Чу Луаньхуэй схватил свою корзину.

Мгновение спустя.

Ворота резиденции снова были выбиты ногой.

Лазурный снежный ни, учуяв запах заклятого врага, издал яростный рёв, но Чу Луаньхуэй, словно предвидя это, раскинул руки и остановил его передней лапой.

Аромат лекарств, исходивший от его белого халата, достиг ноздрей зверя, и пара огромных, как фонари, лазурных глаз приблизилась к его лицу.

— Маленькая курильница, это я, — сказал он, с улыбкой достав красную морковку. — Держи, подарок.

Лазурный снежный ни тихо зарычал и лёг перед ним, его огромные глаза следили за каждым его движением.

Дань Фэн вошёл следом. Воины в чёрных доспехах уже выстроились в боевой порядок, и лес мечей и копий взметнулся вверх.

— Ты ещё смеешь приходить, — глухо произнёс Чанхэ.

Дань Фэн склонил голову набок, и растение на его макушке вспыхнуло так ярко, что Чанхэ на мгновение зажмурился.

— Притворяешься божеством! Взять его! — скомандовал он.

— Стойте! — крикнул Чу Луаньхуэй. — Глава стражи, посмотрите, похож он на человека?

— Не похож, — ответил Чанхэ.

У Дань Фэна дёрнулся висок.

— Вот именно. Это и есть та самая Трава «Чайный лист девяти драконов и золотого нефрита», о которой я говорил в своём рецепте. Поскольку уважаемые старшие сочли меня самонадеянным, этот даосский друг добровольно пожертвовал собой и стал человеком-лекарством.

— Он коварен, как ему можно верить? — сказал Чанхэ.

— Без меня ноги человека-лекарства превратятся в корни, и он будет передвигаться не быстрее улитки. Почему бы вам не проверить? Если я хоть в чём-то солгал, рубите ему голову.

Последние слова пришились как нельзя кстати, и несколько воинов в чёрных доспехах одобрительно кивнули.

— А что до меня, — с улыбкой продолжил Чу Луаньхуэй, — я пойду вперёд, пообщаюсь с вашими целителями. Можно ли меня использовать или нет — станет ясно после проверки.

Какой коварный план — подставить товарища, чтобы спасти свою шкуру! Но, как он и сказал ранее, каждый преследовал свою цель, каждый проникал в резиденцию по-своему.

Дань Фэн стиснул зубы. На его шее вздулись вены, и ему хотелось схватить этого юнца и хорошенько его встряхнуть. Но Чу Луаньхуэй, с сияющим лицом, уже спешил к аптекарскому саду.

— Старший Лю, бессмертный целитель Сунь, не торопитесь уходить! На этот раз я не обманываю. Ваши рецепты поистине гениальны, они открыли мне глаза... Что, вы идёте собирать травы? Подождите меня!

Едва его фигура скрылась, как ноги Дань Фэна онемели и покрылись корнями. Он споткнулся и едва не упал.

— Раз это лекарство, можно и выполоть, — пробормотал один из воинов.

— Ты смеешь ослушаться приказа градоначальника? — нахмурился Чанхэ.

Воин побледнел.

— Градоначальник оставил его в живых, но кто знает, что у него на уме.

— Болезнь градоначальника важнее всего, нельзя упускать ни одного шанса, — сказал Чанхэ.
— Бучжоу, ты его сопроводишь.

После этих слов возражений больше не было.

Из рядов воинов в чёрных доспехах медленно вышла сторбленная фигура и приблизилась. Послышался холодный лязг цепей, хотя никаких оков видно не было.

По сравнению с другими воинами, Бучжоу больше походил на тень.

Уродливую, призрачную тень.

— Хх... хх...

У него была лишь половина языка, и хриплый звук, который он издавал, имел странный ритм, от которого по спине пробежал холодок.

Короткий приказ.

Иди!

Дань Фэн быстро понял, что этот немой по имени Бучжоу — идеальный конвоир. Он и сам передвигался медленно, волоча свои корни, но Бучжоу хромал ещё сильнее, и цепи на нём постоянно звенели.

— Дружище, резиденция градоначальника немаленькая. Пока мы дойдём, уже стемнеет.

Стоило ему заговорить, как цепь горбуна просвистела в воздухе. Удар был нанесён с невероятной точностью и силой, способной расколоть даже камень. Сразу видно — верный пёс Се Хунъи.

Дань Фэн лишь качнул шеей, и Алые оковы-арбалет зазвенели в ответ.

Дзинь... дзинь-дзинь...

Один впереди, другой сзади. Ты быстрее — и я быстрее, ты медленнее — и я медленнее. Словно

две капли воды.

Бучжоу быстро понял, что это злая шутка. Он издал хриплый звук, и его цепь снова взметнулась в воздух, но на этот раз Дань Фэн перехватил её.

— Ты шумишь, и я шумлю, — сказал Дань Фэн. Он хотел было ещё подразнить горбуна, но его взгляд замер, устремившись вглубь коридора, где виднелся уголок спальни.

Солнце уже стояло высоко, и фонари в городе погасли, но в резиденции градоначальника царил глубокий холод. Павильоны были окутаны полумраком, и большинство фонарей всё ещё горели. Очевидно, их хозяин не мог без них обходиться.

Но в углу спальни фонарь то вспыхивал, то угасал, словно подпитываемый невидимым огнём сердца.

— А вот и стало шумно, — тихо произнёс Дань Фэн. — У вас есть время меня сторожить, но вы не заметили гостя?

Бучжоу с трудом поднял голову. В тот же миг Дань Фэн сорвал с головы траву и, развернувшись, ударил его обеими ладонями в спину.

Хоть он и был готов к этому, Дань Фэн всё равно был поражён. Один конец цепи был вживлён в уродливую лопатку Бучжоу, и за долгие годы плоть и металл срослись, образовав ужасный горб.

Безумец. Убить тысячу врагов, потеряв восемьсот своих.

Дань Фэн перехватил цепь и швырнул её на колонну коридора.

Алый фонарь качнулся. В глубине спальни свисали шёлковые занавеси, и в воздухе витал слабый аромат лекарств.

Е Шуанчоу стояла у занавеса и серебряной шпилькой ворошила угли в курильнице с успокаивающими благовониями. За это время аромат смешался с техникой пожирания снов, заложенной в подушку, и должен был соткать в море сознания прекрасный сон.

Какой сон увидит Ваше Высочество?

Недовышитый цветок нефритовой шпильки. Цветок шореи, пришедший извне. Неужели ему снова приснится Чанлю?

У неё остались лишь смутные, печальные воспоминания о том дворце, словно она застряла в бесконечном сне, полном необъяснимой тревоги.

В этот момент из-за занавеса донёлся тихий шорох, словно чёрные волосы скользнули по шёлку. Беспокойный сон.

Полог кровати качнулся.

Подушка безмятежных снов была сброшена на пол. Рука упёрлась в край кровати, кончики пальцев были бескровными и слегка дрожали, словно отталкивая что-то.

Что случилось? Ваше Высочество снова видит кошмар?

— Ваше Высочество? — встревоженно позвала Е Шуанчоу и, взмахнув рукой, отёрнула занавес.

Подушки и одеяла были словно вода, вышитые нити тускло блестели, но их свет погас под водопадом холодных чёрных волос.

Се Хунъи лежал, склонив голову, его лицо было скрыто волосами, и лишь слабое движение груди говорило о том, что он жив. Его мертвенное спокойствие было подобно белому нефриту, утонувшему в ледяной воде, — никто не осмелился бы его потревожить.

Но как Ваше Высочество мог спать без подушки?

Эта мысль едва успела промелькнуть в голове Е Шуанчоу, как её тело замерло, а глаза потеряли блеск. Мгновение спустя из её семи отверстий хлынул густой чёрный туман.

Техника вселения!

Чёрный туман заполнил спальню, и чёрные волосы Се Хунъи зашевелились, хотя не было ни малейшего ветерка.

Через мгновение женщина с пустыми глазами качнулась и, подняв подушку, очень осторожно подложила её под голову Се Хунъи.

Рука Се Хунъи, сжимавшая край кровати, напряглась, но он был заперт в кошмаре и не мог пошевелиться.

Лишь тень у кровати почувствовала приближение опасности и, взвившись, бросилась на «Е Шуанчоу»!

— Тсс, — губы женщины не шевельнулись, но из чёрного тумана донёлся низкий, хриплый мужской голос. — Потревожишь Его Высочество — я тебя на куски порву.

Длинные пальцы погрузились в волосы Се Хунъи. Суставы были напряжены, словно готовы были прорвать кожу, но они лишь осторожно поправили его лицо и начали массировать точки на макушке.

Водопад чёрных волос рассыпался. Воинственное выражение на лице Се Хунъи исчезло, и тёмные тучи, омрачавшие его двадцать лет, рассеялись, постепенно открывая его истинный облик.

Лёгкий ветер, радужные облака, тень солнца на радуге. Взгляд, опущенный на людей, — безжалостный и злой!

Рука замерла, словно пытаясь заслонить что-то слишком яркое.

— Маленький наследный принц, тебе больше подходит барахтаться в грязи, — с усмешкой произнёс голос, но в нём слышалось всё более искажённое возбуждение. — Я пришёл... вернуть тебя в кошмар.

<http://bllate.org/book/16978/1589384>